

Андрей Добролюбский

Мир гарпий и каллипидов

«Местность, занимаемую Одессой» (выражение проф. Ф.К. Бруна), в VII-III веках до н. э. античные поэты, философы и историки Гомер, Гесиод, да и Геродот считали страной «вечного мрака». Ее населяли гипербореи, киммерийцы (они же галактофаги), скифы, алазоны, каллипиды, гарпии, андрофаги и многие другие. Они вполне могут восприниматься как «загробное», так и реальное население. Общим у всех этих народов был обычай съедать не только врагов и соперников, но и всех своих родственников по достижении ими 60 лет – пенсионного возраста.

Территории вокруг Одесского залива в те времена были обиталищем *гарпий* (древнегреч. *Ἄρπυιαι* – *похитительницы, хищницы*). Эти гарпии отличались, прежде всего, своей редкостной зловонностью. Эти же гарпии, судя по карте Птолея, и размещались в самых зловонных местах причерноморского побережья – в устьях нынешних лиманов от Дуная до Буга. Из них едва ли не самым зловонным (хотя одновременно и лечебным) является Куяльницкий лиман у Жеваховой горы. Затхлые и сероводородные запахи здесь, как известно, повсеместны. Во все времена. Они побуждают к мыслям о смерти и бренности бытия. И, конечно же, такие места священны.

И действительно, когда, согласно рассказу Гомера, Одиссей пересек Океан и достиг его крайнего предела, там он увидел «народ и город киммерийских мужей, которые окутаны влагой и тучами». В эту страну никогда не заглядывает солнце, ее несчастные обитатели живут в постоянном мраке. А мрак – это царство Келайно, одной из гарпий. Значит, он попал в царство Гарпий. А возможно, и в город Гарпис. Очевидно, именно они

Карта Птолемея

испускают вокруг себя упомянутые сероводородные и гнилостно-болотные запахи.

С гарпиями, которых Клавдий Птолемей поместил в приморской части междуречья Днестра и Днепра, невозможно однозначно связать какие-либо археологические памятники. Иногда археологи их соотносят (видимо, по мнимому созвучию: гарпии – карпы) с фракийскими памятниками карпо-даков в Восточном Прикарпатье.

Зато с местами проживания гарпий, которые прославились не только исключительным зловонием, но и крайне дурным нравом, можно вполне определенно и обоснованно связывать многочисленные природные объекты, отличающиеся своим подобным же «зловонием»: сероводородные лиманы, источники с крайне неприятным запахом, гнилостный смрад приднестровских и приднепровских плавней – иными словами, всю приморскую часть

вокруг нынешней Одессы. Именно здесь они размещены на карте Европейской Сарматии Клавдия Птолемея. Правда, ни Птолемей, ни многие другие картографы специально не отмечают здешнего «тяжелёго духа». Зато он отмечен в подобной местности в Приазовье. Так, Гераклид Понтийский в IV веке до н. э. сообщает, что около Меотиды (Азовское море) есть озеро с таким дурным запахом, что его не могут даже перелететь птицы. Видимо, это известное «гнилое» озеро Сиваш (цит. по: [1, 133]). Впрочем, есть мнение, что птицы вовсе не желают перелетать эти места – там идеальные гнездовья.

Дополнительные, не слишком чарующие обоняние вкус и ароматы придавал этой местности источник Эксампай (Exampheus fons, Ἐξάμπαϊος), отвратительную воду которого специально отмечает Геродот. Здесь, к западу от «торжища Борисфенитов», по реке Гипанису, он помещает племя каллипидов. Там же граничат владения каллипидов и алазонов, а Тирас и Гипанис сближают свои течения, Гипанис принимает горький источник Эксампай (Мертвовод или, возможно, Черный Ташлык) [2, 5].

В «Хорографии» Помпония Мелы рассказывается, что Гипанис «рождается из большого болота, которое местные жители называют его матерью... недалеко от моря принимает он из малого ручья по прозванию Эксампай настолько горькие воды, что и сам, начиная отсюда, течет, на себя непохожий и не сладкий». Однако и до Помпония Мелы в сочинении знаменитого архитектора и механика Витрувия (I в. до н. э.) «Об архитектуре» имеются сведения, что река Гипанис, приняв в себя маленький ручеек, стала горькой на вкус. Витрувий сообщает и о причине такого явления: он говорит, что ручеек протекает по земле, богатой жилами «сандараки», отчего вода становится горькой.

Поэт Овидий повторил в своих «Метаморфозах» общеизвестную, по-видимому, характеристику вод Гипаниса: «Что же? Разве рожденный в скифских горах Гипанис, ранее того сладкий, не испорчен горькими солями?». Впрочем, Иордан, восприняв сообщение о горьком ручье, портящем вкус воды в большой реке, спутал название реки, и сведения, относившиеся к Южному Бугу, написал Днепру. Употребляемый им термин «Infectus» точнее всего переводится просто как «инфекционный», «зараженный», иног-

да – «окрашенный». Хотя первоначальное значение глагола «inficere» – «макать», «красить». Этот глагол, кроме того, означает: «смешивать», «растворять», «портить», «заражать».

О гарпиях пишет тот же Птолемей. Они соседят с певкинами, живущими в устьях Истра, а «внутри материка до реки Гиерас» (Прут или Сирет) живут, по его словам, «гарпии ниже тирагетов-сарматов, бритолаги выше певкинов». Им же при описании побережья к западу от Днепра названы, с координатами, устье реки Асиака, город Фиска, не известный другим античным авторам, устье реки Тираса, упоминаемая Страбоном Гермонактова деревня и, наконец, город Гарпис.

Если попытаться его локализовать по силе «дурного запаха», то на место Гарписа должна претендовать Жевахова гора. Однако Птолемей ясно указывает на морское побережье западнее Тираса. Значит, «резиденцией царства Гарпий» была Гермонактова деревня с замком Неоптолема в районе Затоки и Будацкого лимана, запахи которого также далеки от благовонности [3, 40].

Для Гомера «гнусные гарпии» – олицетворение критской богини смерти в образе бури (Одиссея, песнь 1, стих 237). Они коварны и похищают беззащитных дев (песнь 20, стихи 66, 78). Видимо, они этим занимаются вместе с галактофагами («питающимися молоком») и при посредстве гиппемолгов («доителей кобылиц») [4, 73-74]. В том же контексте Гесиод, со своей стороны, описывая здесь же «землю галактофагов, что дома имеют на повозках», указывает на гарпий, которые сюда, на край земли, уволокли несчастного и слепого фракийского царя-прорицателя Финейя.

А Финей был несчастен потому, что никак не мог поесть – ему не давали гарпии, отвратительные крылатые существа женского пола, которые, как только Финей усаживался за трапезу, спешили во дворец, хватали со стола что попало, а оставшуюся пищу заражали таким зловонием, что ее невозможно было есть. Когда Финей навестили аргонавты, он умолял Ясона избавить его от гарпий. Иначе он ни за что ему не скажет, где достать золотое руно. Но Ясон при всем своем желании не смог помочь – когда аргонавты с Финеем сели за стол, явились гарпии и немедленно нагадили всем в пищу. А самого Финейя уволокли к галактофагам, в Скифию. Здесь Финей повторно женился на скифской принцессе

Идее. И с ней вернулся в свою Фракию. А крылатые сыновья Борея – Калаид и Зет – прогнали отсюда и гарпий.

Но и в Скифии Финей никак не мог спокойно поесть. Он чуть не умер от голода. И выяснилось, что гарпии в данном случае были невиновны. Оказалось, что вторая, скифская жена Финей Идея, как свидетельствует Диодор Сицилийский, обманывала своего супруга. Она утверждала, что гарпии крадут его пищу и заражают зловонием ее остатки. А на самом деле это совершали ее собственные слуги по приказу своей госпожи. Тогда те же Калаид и Зет разоблачили происки Идеи. И перестали преследовать бедных гарпий, которых оклеветала злая скифянка. Возмущенный Финей в гневе отправил Идею к ее отцу. И тем избавил себя от голодной смерти. А реабилитированные гарпии были отпущены на свободу [5, 440-441].

Именно такие «дамские» страсти кипели в «местности, занимаемой Одессой», когда сюда попал Одиссей. Здесь, в «стране вечного мрака», и царствовала, как уже говорилось, одна из пяти сестер-гарпий – Келайно («мрачная»). Ее сестер звали Аэлла, Аэллопа, Подарга и Окипета. Согласно греческой теогонии, их родителями были морской бог Тавмант и океанида Электра. Они были внуками Геи и титанов Океана и Тефиды и имели также сестру Ириду. Аэлла была «бурной», Аэллопа – «вихреподобной», Подарга – «быстроногой». Она же была матерью волшебных коней Ахилла – Балия и Ксанфа, отцом которых был Зефир. Окипета была всегда «стремительной», а Келайно всегда оставалась мрачной, угрюмой и сумрачной. Все они были, естественно, богинями смерти. Как, впрочем, и их «коллеги» по ремеслу – покровительницы и наставницы Одиссея Кирка (Цирцея) и Каллипсо («скрытая», «скрывающаяся»), жившая в пещере на острове-усыпальнице Огигия («древний», «первозданный», «океан») [5, 540-541]. Все эти дамы были необычайно капризны и стервозны.

Есть мнение, что название «гарпии» происходит от греческого глагола «похищаю», так как в греческой мифологии гарпии являлись похитительницами человеческих душ и детей. Они изображались в виде полуженщин-полуптиц, были противницами олимпийцев в их борьбе с титанами и вообще символизировали хаос. Иногда изображались в форме, соответствующей форме свастики.

У гарпий очень плохая репутация в мировой культуре. Они стали восприниматься как сверхъестественные существа, одно из олицетворений космических сил зла. Они – виновницы шторма и всегда являются причиной внезапной смерти человека. Они же – космическое воплощение порока. Борьба с гарпиями составляет один из сюжетов Аргонавтики. О гарпиях упоминал Вергилий. Сюжет о гарпиях присутствует и в «Песне о Роланде». В Средние века они символизировали нецерковную музыку и использовались как геральдические знаки [6, и др.].

Слово «гарпия», как известно, стало нарицательным. В седьмом круге дантовского ада гарпии едят на листьях колючего кустарника, в которые воплотились после смерти души самоубийц. Только страдая от кровоточащих ран, причиняемых этими тварями, которые оскверняют все, к чему прикасаются, грешники могут получить искупление своих поступков.

При этом известно, что Одиссей во время своего посещения Аида лично с гарпиями не сталкивался. Но зато на обратном пути ему довелось познакомиться (или суметь избежать

Гарпии

знакомства) с их близкими родственницами – четырьмя двоюродными сестрами, тоже богинями смерти – сиренами. Сестры обитали на одном из понтийских островов близ материкового Аида.

Напомним читателю Гомера, что Одиссей с оставшимися спутниками на пути из царства Гарпий и Аида возвращается на остров Айайа, где хоронит Эльпенора – одного из своих спутников. Кирка, встретив их с неподдельным восхищением, предупредила, что теперь им придется миновать остров сирен.

О сиренах известно, что они подобны гарпиям, и также вырезались на каменных надгробиях. Их тоже изображали в виде хищных птиц, которые только и ждут, чтобы овладеть вылетевшей душой. Как и у гарпий, у них лица женщин, но тела птиц. Их было четыре: Парфенопа («юнолика»), Лигия («звучная»), Аглаопа («прекраснолика») и Телксиэпея («очаровывающая словом»). Они, как и Каллипсо, или Кирка, вполне могли обитать на острове-усыпальнице Огигия (Березань). Или на острове Левке (Змеиный).

Сказанное означает, что все путешествие Одиссея, по сути, проходило в Понте Эвксинском (Аксинском), в «море, принимающем мертвых». Поэт Василий Капнист был в этом совершенно убежден еще в начале XIX века. Значит, после знакомства с сиренами свое очередное испытание при возвращении домой, на Итаку, – пройти между Сциллой и Харибдой – Одиссей должен был преодолеть уже у черноморского выхода Босфора – у известных скал Симплегады (или Планкты) (греч. *Planktos* – блуждающий).

Литература о гарпиях и сиренах необозрима. Для нашего сюжета важно подчеркнуть лишь то, что одесское черноморское побережье, как, впрочем, и черноморское побережье Болгарии, с островами между ними, является их «исторической родиной». Это территория между двумя Одессосами – фракийским и скифским. Именно отсюда гарпии и сирены распространились по всему миру. Со всеми вытекающими последствиями для окружающих.

* * *

Помимо гарпий в районе нынешней Одессы в античные времена известны также некие *каллипиды* (*Καλλιπίδαί*). Они описаны Геродотом как племя, обитающее между Тирасом и Гипанисом (совр. Днестр

и Южный Буг): «...от торгового порта Борисфенитов – а он из приморских поселений всей Скифии самый срединный – первыми живут каллипиды, которые являются эллинами-скифами» [7, IV; 17-18]. Имя *каллипиды (Callipidae)* встречается также у римских авторов Помпония Мелы, Плиния и готского историка Иордана [8; 116].

Хорошо известны и изучены археологические памятники, которые были оставлены каллипидами [8; 114-118]. Они относятся к V-IV векам до н. э. и охватывают весь ареал южной части между речья Буга и Днестра.

Принято считать каллипидов скифским племенем, отличавшимся от других своей сильной эллинизацией. Имеется и иное мнение – каллипиды были отдельной самостоятельной кастой, или корпорацией, – жрецами-прорицателями, или «гадателями». Такой самой высокопоставленной жреческой корпорацией были *энареи* [9; 174-179, 190; 10; 178-196].

Этимология имени каллипидов, как и энареев, совершенно неясна. По Геродоту, они обитают в низовьях Гипаниса. Здесь были сосредоточены скифские святыни и культовые центры. При этом указание Геродота на факт занятия каллипидов земледелием нисколько не опровергает толкования их как жречества. Предположение, что жречество как социальная группа совпадало с определенным племенем, вовсе не означает, «что все члены этого племени поголовно были жрецами, но лишь то, что это племя монополизировало отправление культа» [8; 46].

Есть мнение, что этноним «каллипиды» включает два корня: «прекрасный Лип» и патронимическое окончание. Каллипиды, таким образом, суть «сыны прекрасного Липа» [11, 47-48]. Лип же тождествен Липоксаю скифской этногонической легенды. В таком случае этноним «каллипиды» можно толковать как «потомки Липа».

Не исключено, что название каллипидов связано с богиней смерти Каллипсо («скрывающая»), у которой некоторое время жил Одиссей. Или же с гарпией Келайно («мрачная»). Оба предположения вероятны, но недоказуемы [9, 168-173].

Куда более убедительным нам кажется другое предположение. «Каллипиды» записаны под таким именем ошибочно, на самом деле это термин «каллипиди», что однозначно переводится как «прекраснозады». Иными словами, эпитет «каллипиды» – это искаженный

Афродита Каллипига. Неаполитанский музей

от «каллипиги». Не исключено, что он появился в результате описки или ошибки переписчика (возможно, сознательной), и на самом деле это было им сделано из соображений ханжеской христианской традиции. Хотя «прекраснозадая» Афродита Каллипига (римская копия с греческой скульптуры IV в. до н. э.) совершенно откровенно по сей день чарует взор посетителей Национального музея в Неаполе. И тут ошибки в истолковании термина быть не может [12, 243]. В таком случае имя «каллипиды» можно истолковывать как «прекраснозадые» (греч. *καλλίπυγη* – имеющие красивый зад).

Таких искажений в античном источниковедении известно и выявлено великое множество. А невыявленных еще больше. И имя им – легион.

Последнее толкование может показаться пикантным, однако оно в научном смысле вполне оправданно и более чем продуктивно. Потому что оно прямо наводит на ассоциации с загадочными жрецами-энареями, страдавшими не менее загадочной «женской болезнью». А что это за болезнь, никто толком не знает. Но можно догадываться.

Здесь уместно заметить, что имя Каллипид носил известнейший в тогдашнем греческом мире афинский актер. Он неоднократно одерживал победы на драматических состязаниях. Игра Каллипида отличалась исключительной эмоциональной выразительностью. По словам Ксенофонта («Пир», III, 11), Каллипид гордился своим

умением вызывать у зрителей слезы. Его приглашали к выступлениям великие драматурги Софокл, Эврипид и Аристофан. А во время морских сражений управлял гребцами, возбуждая их боевой дух, именно Каллипид, сообщает Алкивиад: «...в длинной епанче и в великолепном платье, какое носят во время игры в театре».

Актер Каллипид с трагической маской.
Вторая половина V в. до н. э.

Впрочем, пишет Аристотель, («Поэтика», 26, 1462а), «актер Минниск... называл его обезьяной за то, что он слишком переигрывал». Сам же Аристотель полагал, что «...нельзя отвергать всякие телодвижения, если не отвергать и танцев, а только плохие. В этом упрекали Каллипида, а теперь упрекают других за то, что *они подражают телодвижениям женщин легкого поведения*» (курсив наш. – А. Д.).

Женоподобные повадки Каллипида отражены в самом значении его имени, первая часть которого, *καλλι*, означает «красивый», а вторая часть – *Πηδάω*, *Πηδάω*, «пидо» – значит прыгать, подпрыгивать, перепрыгивать. Но лишь в том значении, когда кобель прыгает на сучку, – это не просто подпрыгивание, но подпрыгивание с ясно определенной целью [12].

Вернемся к «нашим» каллипидам – их повадки были очень похожими. Геродот рассказывает об одной типичной для этих скифов «болезни»: мужчины становятся женственными по характеру, надевают женское платье и занимаются женскими работами. Они называются энареями. Для объяснения этой «скифской болезни» Геродот приводит миф о том, что эту болезнь наслала на скифов Афродита за то, что они разрушили ее храм в Аскалоне во время набега на Сирию: «На тех скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало женскую болезнь, так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых называют энареями».

Женоподобные каллипиды.
Вазопись V в. до н. э.

Гиппократ же считал, что скифские лекари лечили больных, отворяя вену около уха, а это якобы ведет к импотенции. Врачи XIX века считали, что атрофия половых органов развивалась просто от неумеренной верховой езды, и приводили в подтверждение аналогичную напасть у татарских конников. Само слово «энареи» специалисты по иранским языкам объясняют словопроизводством от корня «нар» (муж-): «энареи» должно означать «не муж», «обезмужественный».

Таким образом, женоподобные энареи – гадатели и прорицатели – носили женские платья, усвоили женские привычки и даже говорили, «подобно женщинам». Так считали Геродот и Псевдо-Гиппократ.

Они были, с точки зрения греков, самой экзотической корпорацией среди скифского жречества и, естественно, привлекали к себе наибольшее внимание.

Основные сведения о положении энареев в скифском обществе содержатся в двух литературных традициях, связанных с именами Геродота и Псевдо-Гиппократа. Отдельные намеки имеются и у других авторов. Из их сопоставления явствует, что энареи были профессиональной жреческой корпорацией, связанной с культом богини Афродиты – Аргимпасы, и являлись гадалками. «Искусство гадания даровано им Афродитой; они гадают при помощи липовой коры: гадалка разрезает ее на три полоски, затем, переплетая их между пальцами и расплетая, произносит предсказание» [7, IV: 67-68]. Ясно также, что корпорация энареев имела наследственный характер.

«Женоподобные» особенности энареев, явно связанные с требованиями религиозного культа, передавались также их потомству [2, I: 105; IV: 69]. При этом энареи происходили из аристократических слоев общества, может быть, даже близких к царскому дому. Псевдо-Гиппократ отмечает, что энареи – «скифские богачи, не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом». «Причину такого явления, – считает Псевдо-Гиппократ, – туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя» [8; 168-179]. Однако из сообщения Геродота следует, что боязнь энареев и гадалей вообще имела под собой и более реальные основания, потому что от их гадания иногда зависела человеческая жизнь.

Существует также мнение, что «женская болезнь» – результат сифилиса, которым якобы заразились скифы у иеродул храма Афродиты. Не менее странна точка зрения, что «женская болезнь» у скифов – социальное или профессиональное заболевание – следствие имущественного неравенства. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с трансвестизмом или с кувадой [8: 89, 168-170]*.

Таким образом, тождественность, или явная визуальная сопоставимость «прекраснозрых» каллипидов с «женоподобными» энареями кажется очевидной [9; 174-179, 190]. Псевдо-Гиппократ утверждает, что такой «женской болезни подвержены скифские богачи – не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом», и ее причина «заключается в верховой езде».

Аристотель полагает, что она была распространена среди скифских царей. Климент Александрийский называет легендарного царевича Анахарсиса «как человека, который сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни для прочих скифов». Известно, что Анахарсис совершил обряд самооскопления в честь Кибелы и был за это убит – «за чужеземные свои установления и сношения с эллинами». Ибо обряды в честь Кибелы предусматривают обязательное самооскопление,

---

* Кувада (франц.: *couvade* – высиживание яиц) – обрядовая симуляция отцом родового акта при рождении ребенка. Известна у многих народов.

Мудрец Анахарсис

во всяком случае для тех, кто собирается стать ее жрецом. Именно таковы были намерения Анахарсиса, который, «осмотрев многие страны и ознаменовав там великую мудрость... дал обет, – пишет Геродот, – коли жив и здоров возвратится в Скифию, принести Матери богов (Кибеле. – А. Д.) жертву... и установить всенощное служение» [7, IV: 76-77]. Действительно, остаться живым и здоровым после самооскопления – это большое везение.

Сам Анахарсис (греч.: *Ἀναχάρσις* – небесный глас) (жил около 605-545 гг.) был

сыном скифского царя Гнура, братом царя Савлия и Кадуита. Он прибыл во времена Солона в Афины, где подружился с самим Солоном и с другим знатным скифом, Токсаром, который был известен в Афинах как врач и мудрец, позже путешествовал по другим греческим городам. Бывал у лидийского царя Креза, которого персы считали своим советником по Скифии.

Анахарсис прославился как мудрец, философ и сторонник умеренности во всем, его причисляли к семи мудрецам и ему приписывались многие разумные изречения и изобретения. Письма, носящие его имя, позднего происхождения (датируются III веком до нашей эры) и отражают позиции близких Анахарсису стоиков. По легенде, Анахарсис изобрел якорь, усовершенствованные гончарный круг и парус.

«Вернувшись в Скифию, – сообщает далее Геродот, – Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом из разных пород деревьев; низовья Днепра и Буга). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил

на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны (медные тарелки). Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи». Значит, Анахарсису не повезло – живым и здоровым он не остался. Не исключено, что Савлий его убил из жалости – чтобы тот не мучился после обильной потери крови.

Не исключено, что каллипиды-энареи, как и Анахарсис, должны были быть скопцами. Или страдали иными отклонениями, связанными с понятием «женская болезнь». Они, видимо, были поселены скифами отдельно от себя, в особую «зловонную», но священную местность. И не «на правах сексуального меньшинства», а за «сакральную избранность». Л.С. Клейн в книге «Другая любовь» рассматривает «женскую болезнь» скифов как разновидность гомосексуальности (13; II, 6). То обстоятельство, что социальный статус энареев был очень высок, подтверждается подобными наблюдениями у сибирских народов – у них статус гомосексуалов не ниже мужчин, а выше.

Это подтверждается и статусом актера Каллипида. Плутарх упоминает, что он был прославлен среди греков, и все его принимали с большим почетом [14]. Актеры являлись свободными гражданами и на праздниках Диониса выступали, прежде всего, как участники религиозного действия. Поэтому их социальный статус был высок. Они принимали в V-IV вв. до н. э. деятельное участие в общественной жизни, их могли избирать на высшие государственные должности и отправлять послами в другие государства.

Равным образом и «наши» каллипиды-энареи, «гадатели» и прорицатели, предсказывающие будущее, были жрецами-проридцами с высочайшим сакральным статусом в Скифии. И совершенно не исключено, что земли каллипидов-энареев воспринимались как своеобразная эллино-скифская «Папская область» в Северном Понте, с центром-«Ватиканом» в Борисфене-Одессе на Жеваховой горе [9; 105-132]. В состав этих земель входила, как известно, и Гилея, где совершал свои «кошунственные» обряды знаменитый скифский царевич, философ и мудрец Анахарсис.

Литература

1. Щукин М.Б. Машина времени и лопата. – Кишинев: Штиинца, 1991, с. 133.
2. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – Киев: Наукова думка, 1985, с. 5.
3. Охотников С.Б. Греческие колонии Нижнего Поднестровья. – Одесса: Ивлия, 2000, с. 40.
4. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. – Киев: Наукова думка, 1991, с. 73-74.
5. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – М.; Прогресс, 1992, с. 440-441.
6. Борхес Х.Л. Бестиарий: Книга вымышленных существ. – М., 2000.
7. Геродот. История в 9 книгах. – Л.: Наука, 1972, I: 105; IV: 67-69.
8. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975, с. 114-118, 168-179.
9. Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 105-132, 174-179, 190.
10. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. – М., 2006, с. 178-196.
11. Болтенко М.Ф. До питання про час виникнення та назву давньої йонійської оселі над Борисфеном. // Вісник Одеської комісії краєзнавства. Секція археології. – 1930, № 4/5, с. 47-48.
12. Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989, с. 243; Словарь греческого мата: <https://rua.gr/greece/study/stgreek/21724-slovar-grecheskogo-mata.html>
13. Клейн Л.С. Другая любовь. – СПб, 2000, раздел II, 6.
14. Плутарх. Застольные беседы. – Л.: Наука, 1990, с. 57.

